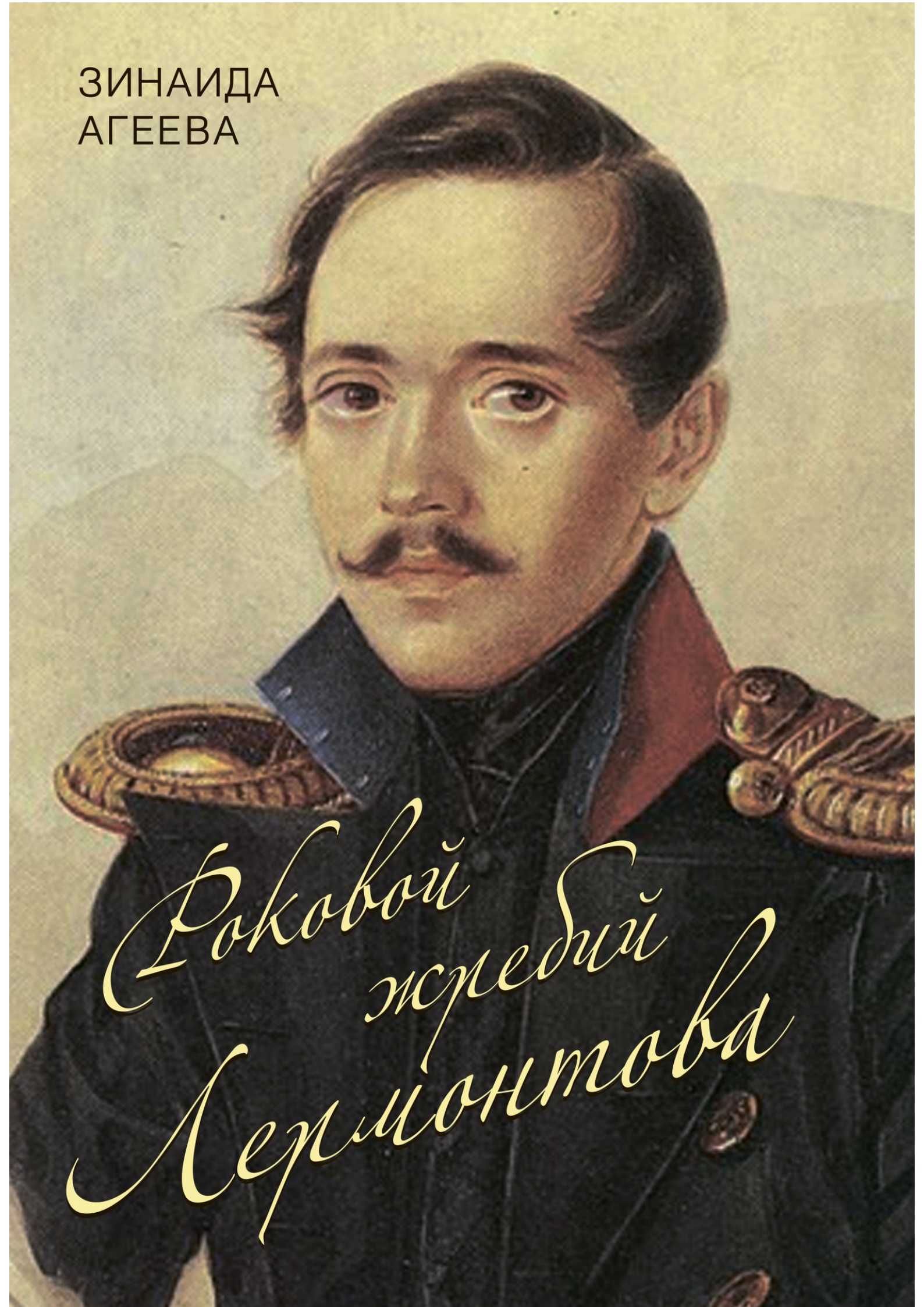

ЗИНАИДА
АГЕЕВА

A detailed oil painting of a man with dark, wavy hair and a mustache, looking slightly to the left. He is wearing a dark blue military uniform with a high collar and ornate gold epaulettes. The background is a soft, light-colored wash.

*Заковой
журедий
Хершонтова*

Зинаида Агеева

Роковой жребий Лермонтова

«Алисторус»

2020

УДК 82-84
ББК 84.3

Агеева З. М.

Роковой жребий Лермонтова / З. М. Агеева — «Алисторус»,
2020

ISBN 978-5-907332-55-3

В книге известного врача-психиатра и автора многих биографических книг З. Агеевой описан творческий путь и особенности личности гениального русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, его безвременная гибель от руки убийцы. Лермонтов – автор около 400 стихотворений, около 30 поэм, в том числе «Демон», «Мцыри», автор драмы «Маскарад», прозаических произведений «Герой нашего времени», «Княгиня Лиговская» и др. Михаил Юрьевич всю свою короткую жизнь был увлечен Варварой Лопухиной, именно она является адресатом прекрасной любовной лирики поэта. Также Лермонтов был и талантливым живописцем. Его наследие составляют акварели и рисунки с изображением пейзажей, жанровых сцен, портретов, карикатур. Многие из них не случайно связаны с кавказской темой, ведь поэт был в ссылке на Кавказе. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 82-84
ББК 84.3

ISBN 978-5-907332-55-3

© Агеева З. М., 2020
© Алисторус, 2020

Содержание

Предисловие	6
1. Предки	8
2. Семейная драма	10
3. Отец и мать	12
4. Детские годы	14
5. Опека	17
6. В московском пансионе	20
7. Студент московского университета	24
8. В школе юнкеров	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Зинаида Агеева

Роковой жребий Лермонтова

© Агеева З.М., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

* * *

Настоящая книга написана по просьбам москвичей – почитателей таланта Лермонтова. Автор благодарит всех, кто оказал помощь в поисках материалов о жизни и творчестве Лермонтова: сотрудников РГБ, академика Вячеслава Рафаиловича Николаева, профессора-психиатра Лакосину Надежду Дмитриевну, профессора-психиатра Бурно Марка Евгеньевича, историка Дмитрия Никаноровича Костышина, заслуженного психиатра России Пекарскую Ларису Иогановну, сотрудника музея им. Лермонтова Кузьму Волохова, сотрудницу Музея современной истории Туганцеву Наталью Леонидовну, сотрудников газеты «МК», сотрудников «ОЗОНА», руководство Московского отделения Союза писателей РФ Бояринова Владимира Георгиевича и Гусева Владимира Ивановича, сотрудников НИИ Общественного здоровья, врача Чибисову Татьяну Анатольевну, сотрудников библиотек Юго-Восточного округа столицы.

Предисловие

*«А вам звездой бессмертной
Блеснуть дано в стихах...»*

Э. Спенсер (XVI век)

О великом русском поэте Михаиле Юрьевиче Лермонтове писали в свое время многие отечественные исследователи и некоторые зарубежные. Каждый из них вносил что-то новое в описание его творчества и особенностей личности далеко не простой и даже в какой-то степени противоречивой. При этом творчество критиковали редко, чаще его поведение. Некоторые считали, что оно не соответствовало его возрасту, положению в обществе и требованиям этикета, а близкие к нему люди писали в воспоминаниях, что оно было адекватно врожденным особенностям его личности, а также условиям его жизни и воспитания.

Никто из исследователей не отрицал, что по своим творческим способностям Лермонтов превосходил многих литераторов того времени. Появление крупного таланта в юношеском возрасте было не частым явлением в России. Лермонтов сумел в двадцать с лишним лет стать в один ряд с маститыми русскими поэтами. Его стихи поражали лиризмом, благозвучием и совершенством формы.

Личность Лермонтова была своеобразной и суждения о ней были разноречивыми. Каждый критик давал ему оценку в силу своей эрудиции и своих понятий о психологии человека и о творчестве. Способности Лермонтова можно сравнить с музыкальным талантом Моцарта и с даром великого английского поэта Байрона, которые, подобно Лермонтову, рано заявили о себе и рано получили мировое признание.

Гениальность пока еще остается нераскрытой страницей для ученых, поэтому каждый новый штрих, подмеченный кем-то в особенностях личности великих людей, очень важен для изучения этого уникального по своей сути явления. В данном обзоре жизни Лермонтова не ставится задача раскрыть все тайны этого могучего дара природы и показать все нюансы неординарной и своеобразной личности Лермонтова, ибо эта задача не по силам одному автору. Это только попытка наметить один из путей подхода к объяснению психологии великого поэта, которая была не только следствием врожденных черт личности, но и приобретенных в процессе воспитания и менявшихся условий жизни, повлиявших на процесс его творчества и на своеобразие его мыслей и чувств.

За время короткой жизни поэта русский народ претерпел немало бедствий: в России еще продолжали ликвидировать тяжелейшие последствия наполеоновского нашествия 1812 года, а в Петербурге – последствия разрушительного наводнения 1824 года. В следующем 1825 году «всю Россию всколыхнуло» декабрьское вооруженное восстание. Через два года началась длительная русско-турецкая война, а вслед за этим – эпидемия холеры в 1830-1831 годах, сопровождавшаяся огромными потерями. Затем были голодные годы, новые войны, пожары, грабежи, разбои и много других, пагубных для русского народа, бедствий.

Зоркий глаз Лермонтова замечал то, что проходило мимо внимания других людей. Но он не был пассивным наблюдателем окружающей жизни. Свои наблюдения он облекал в поэтическую форму, не имея при этом полного законченного литературного образования, а также достаточного времени для творчества, которое совмещал то с учебой, то с военной службой. Его поэзия не только давала повод восхищаться подвигами героев, но и задумываться над превратностями их судьбы.

Жизнь Лермонтова была примером мужества. Нужно было иметь немало выдержки, чтобы противостоять бесконечным гонениям со стороны правящего класса России. Его моральный дух поддерживала любовь к нему народа, и его популярность возрастала с каждым новым литературным произведением.

Отечественный литератор (позже – эмигрант) Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865-1941) считал Лермонтова «Поэтом сверхчеловечества». «Пушкин – это дневное светило русской поэзии, а Лермонтов ночное», – писал он в одном из своих сочинений, опубликованном в 1908 году.

Двадцать шесть лет, девять месяцев и двенадцать дней – такой срок жизни определил великому русскому поэту его убийца Николай Соломонович Мартынов. Каждый этап короткого жизненного пути поэта был шагом к будущему бессмертию.

1. Предки

*«На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля...»*

М. Лермонтов

Далекие, неизвестные нам предки Лермонтова, исчезнувшие во мраке минувших веков, передали ему не только свое имя и фамильную гордость, но и поэтический талант. В доступной мемуарной литературе описаны только ближайшие к нашему времени предки поэта. По линии матери его предками были представители старинного и знатного рода Столыпиных. Предками по отцу, как предполагали некоторые исследователи, были выходцы из Шотландии. Одним из них был Джордж (Георг) Лермонт, родившийся в 1596 году. Служил в войске князя Пожарского, погиб под Смоленском. Литературовед, историк и библиограф Владимир Бондаренко высказывал предположение о том, что одним из предков Лермонтова по отцовской линии был шотландец Томас Лермон, а один из его потомков служил в русской армии. Он предполагал, что существует родство между предками английского поэта лорда Байрона и предками Лермонтова: «Маргарет Лермонт дала жизнь потомству лорда Байрона». Но это только предположения историков. Точных и достоверных данных о шотландских предках Лермонтова пока не найдено. Тем не менее, Лермонтов упоминает о них в своих произведениях. Видимо, с Байроном у него было какое-то родство душ, так как в их биографии было много общего: Байрон страдал от своей хромоты и Лермонтов после травмы в манеже тоже прихрамывал один год. Оба первый раз влюбились в раннем детстве – Байрон в 8 лет, Лермонтов в 10. Оба имели мятежную душу и рано ушли из жизни. Оба стали крупными поэтами своего времени. Позже, в пору своей молодости, Лермонтов написал о Байроне: «У нас одна душа, одни и те же муки».

Дед Лермонтова по линии отца Петр Лермонтов жил в Костромской губернии в царствование Елизаветы Петровны и Екатерины Второй. Имение продал и переселился в село Кропотово Ефремовского уезда Тульской губернии. После его смерти собственником села стал его сын Юрий Петрович Лермонтов (1787-1831). Не все исследователи согласны с версией о шотландском происхождении Лермонтова. Но судя по необыкновенным поэтическим дарованиям Лермонтова и Байрона можно почти с уверенностью предположить, что у них были общие предки и что от шотландцев Лермонтов унаследовал гордость, бесстрашие и независимость духа. Журналистка из Грозного Мариам Вахирова считала, что у Лермонтова чеченские корни. Эту версию поддерживал отечественный литературовед Ираклий Луарсабович Андроников. Но у Лермонтова общего с чеченцами были только храбрость, удалство, некоторые черты внешности и южный темперамент.

По воспоминаниям старожилов, записанным исследователем Петром Кирилловичем Шугаевым (1855-1917), в прессе освещены некоторые детали о жизни предков Лермонтова. Из этих воспоминаний известно, что родная бабушка Лермонтова по линии матери, Елизавета Алексеевна (1773-1845), была представительницей богатого и влиятельного дворянского рода Столыпиных. В 1794 году в возрасте 21 года она вышла замуж за 26-летнего дворянина Михаила Васильевича Арсеньева (1768-1810). По описанию мемуаристов, Елизавета Алексеевна была «высокой, дородной, с прямым станом, с лицом строгим и выразительным, отличалась крутым нравом и властностью. Речь была четкая и неторопливая». По описанию биографа Лермонтова Павла Александровича Висковатова, Елизавета Алексеевна «имела решительный характер, носивший печать повелительницы и, может быть, отчасти деспотизма».

Муж ее, Михаил Васильевич Арсеньев, родился 8 ноября 1768 года. По описанию мемуариста Петра Кирилловича Шугаева (сведения собирал у старожилов села), это был «статный красавец, крепкого и сильного сложения. Он происходил из старинной дворянской фамилии». Через несколько месяцев после женитьбы, 13 декабря 1794 года он приобрел возле небольшой речки Таралайки село Тарханы в 14 верстах от Чембар (город Белинский) Пензенской губернии. Прежним владельцем был сенатор Иван Александрович Нарышкин (1761-1841). Владение продал как бездоходное. Здесь 17 марта 1795 года родилась первая и единственная дочь Арсеньевых – Машенька. К ней с первого дня ее жизни пригласили кормилицу, няню, воспитательницу, а позже учителей и наставников. Она получила хорошее домашнее образование, в том числе и музыкальное. По характеру была мягкой, доброй, но болезненной, хрупкой и слабой. Она не только любила слушать пение и музыку, но и сама неплохо пела и играла на фортепиано. Жена одного дальнего родственника Арсеньевых, Вера Ивановна Анненкова, в воспоминаниях писала, что мать Машеньки – Елизавета Алексеевна «испытала несчастье потерять всех своих детей одного за другим». Современные биографы Лермонтова М.И. Гиллельсон и В.А. Мануйлов отмечали: «Других свидетельств о том, что у Е.А. Арсеньевой были дети, кроме Марии Михайловны, нет». Это подтверждается и датами вступления в брак Елизаветы Алексеевны и рождением первого ребенка, т. е. Машеньки.

2. Семейная драма

«Жизнь не без ухабов».

В. Гусев

Первые годы супруги Арсеньевы жили в согласии. Но через некоторое время у Елизаветы Алексеевны было обнаружено гинекологическое заболевание, создавшее препятствие для полноценной половой жизни (Шугаев П.К.). Супруг, которому было уже 40 лет, стал ухаживать за госпожой Н.М. Мансыревой, жительницей соседнего села Онучино, находившегося в 10 верстах от Тархан. Это была миниатюрная женщина, очень изящная, стройная, женственная, черноволосая и черноглазая, веселая, непосредственная и живая. Вскоре она всецело завладела сердцем немолодого воздыхателя, который «полюбил ее страстно» (Шугаев П.К.). Муж Мансыревой находился на военной службе за границей, и поэтому ничто не препятствовало их встречам. Об их связи узнали некоторые дворовые люди Арсеньевых и сама Елизавета Алексеевна. Хотя внешне в семье ничего не изменилось: супруги навещали своих родственников, приглашали их на свои домашние праздники, и, казалось, ничто не предвещало трагедии. Дочь свою Машеньку Арсеньев любил. Для ее забавы привез из Москвы карлика, шустренького и забавного, который устроил себе спальное место на подоконнике. На него приходили подивиться со всей округи.

2-го января 1810 года родители устроили для 14-летней Машеньки маскарадный праздник, на который приехали родственники Арсеньевых и соседи с детьми. Была приглашена и Мансырева. В одной из комнат стояла наряженная елка. Праздничным вечером руководил сам хозяин дома Михаил Васильевич. Дети, одетые в маскарадные костюмы, декламировали стихи, пели песни и плясали вокруг елки. Их родители были тоже в маскарадных костюмах; сидя в креслах и на диванах, они наблюдали за их играми. Елизавета Алексеева сидела на диване вместе с гостями. Принесли ящик с новогодними подарками, и дети обступили его с радостными возгласами. Каждому из них были вручены пакеты с конфетами и пряниками и елочные игрушки.

Праздник был уже в самом разгаре, а возлюбленной Михаила Васильевича – Мансыревой все еще не было. Обеспокоенный, он несколько раз выбегал на крыльцо, всматриваясь в ночную тьму. Не выдержав, послал за нею слугу с запиской, но тот вернулся без ответа. Второй посланец вернулся с тем же результатом. В третий раз Михаил Васильевич послал за нею наиболее расторопного камердинера Максима Медведева с наказом «без Мансыревой не возвращаться». Праздник уже близился к завершению, когда от Мансыревой вернулся последний посланец. Он шепнул на ухо Михаилу Васильевичу:

– Госпожа не сможет приехать на праздник, к ней вернулся муж из-за границы. В доме погашены свечи и все уже спят.

Это неожиданное известие настолько сильно поразило хозяина дома и повергло в глубокое уныние, что он, по воспоминаниям домочадцев, «переменился в лице», перестал веселить детей, сел в стороне от гостей с крайне удрученным видом. Через некоторое время он подозвал к себе жену и дочь и объявил:

– Ну, любезная Лизанька, скоро ты станешь вдовушкой, а ты, Машенька, – сироткой.

Они восприняли это как новогоднюю шутку, и праздник продолжался. А Михаил Васильевич тем временем вышел в соседнюю комнату, достал из шкафа флакон, наполненный какой-то жидкостью, и залпом выпил. Через несколько минут слуги обнаружили его лежащим на полу в бессознательном состоянии. Из рта вытекала пенная слюна, дыхание было хриплым и редким. Рядом с ним на полу лежала бутылка с ядовитой жидкостью. Никто не знал, с какой целью он держал это зелье в шкафу.

Елизавета Алексеевна, увидев погибающего на ее глазах мужа, вскрикнула и упала на руки домочадцев. Были вызваны домашние врачи. Но хозяину они уже ничем не смогли помочь. Михаил Васильевич Арсеньев не вынес разлуки с возлюбленной и самовольно ушел из жизни, оставив свою дочь Машеньку сиротой.

Елизавету Алексеевну вынесли в другую комнату, где врачи оказали ей медицинскую помощь. Среди гостей «начался переполох, и они в смятении поспешили покинуть дом самоубийцы» (Шугаев П.К.). Во избежание нежелательных толков в семье распространили версию, что Арсеньев умер от апоплексического удара. Елизавета Алексеевна, которая почти никогда не теряла присутствия духа, в этот раз была поражена неожиданным происшествием. На следующий день она спешно уехала с дочерью в Пензу к родственникам, приказав дворовым людям похоронить хозяина в домовоей церкви без поминовения и каких-либо почестей. Через шесть недель она вернулась с Машенькой в Тарханы и поставила над его могилой памятник из серого гранита с короткой надписью: «Михаил Васильевич Арсеньев. Скончался 2-го января 1810 года, родился 8-го декабря 1768 года».

Оставшись вдовой, Елизавета Алексеевна продолжала одна воспитывать дочь. К этому времени из близких родственников у Михаила Васильевича остался младший брат – Никита Васильевич Арсеньев (1775-1847), который жил в Петербурге, а из близких родственников Елизаветы Алексеевны живы были три замужние сестры. Наиболее близкие отношения она поддерживала с двумя: Екатериной Алексеевной Хастатовой, 1775 года рождения, и с ее детьми – сыном Акимом и дочерью Марией, а также со своей младшей сестрой Натальей Алексеевной Столыпной (1786-1851), дочь которой, Аннет Григорьевна, родилась после трагедии в семье Арсеньевых (в 1815 году). Живы были и три младших брата Елизаветы Алексеевны – Николай Алексеевич Столыпин (1781-1830), Дмитрий Алексеевич Столыпин (1785-1826) и Афанасий Алексеевич Столыпин (1788-1866).

Единственным утешением для вдовствующей владелицы усадьбой Тарханы была теперь ее 15-летняя Машенька – хрупкое и нежное существо, окруженное наставниками, воспитателями и учителями. Помимо общеобразовательных предметов, ей преподавали пение и музыку, обучали танцам. Несмотря на благоприятные домашние условия, Маша часто болела. Потеряв мужа, Елизавета Алексеевна боялась потерять и единственную дочь, которая теперь находилась под постоянным наблюдением докторов.

3. Отец и мать

*«Стать отцом совсем легко,
Быть отцом, напротив, трудно».*

Вильгельм Буш, немецкий поэт

В 1813 году, когда Машеньке пошел 18-й год, мать отправилась с нею в гости к родственникам в село Васильевское Елецкого уезда Тульской губернии. Здесь Маша познакомилась с соседями села Кропотово, владельцем которого был молодой 26-летний помещик Юрий Петрович Лермонтов. Они были частыми гостями у Арсеньевых. По описанию мемуариста Петра Кирилловича Шугаева, Юрий Петрович «был среднего роста, редкий красавец, и прекрасно сложен, в общем, его можно было назвать в полном смысле слова изящным мужчиной, вполне светским и современным. Он был добр, обходителен, но ужасно вспыльчив».

Юрий Петрович приглянулся молоденькой девушке и вскоре полностью завладел ее сердцем. Маша не отличалась красотой, но она привлекла внимание молодого человека своим покладистым, мягким характером, доверчивостью, к тому же, была на 8 лет моложе его и единственной наследницей своей богатой матери. В Тарханы молодые люди вернулись вместе уже женихом и невестой. В этом же году сыграли свадьбу. Это семейное торжество было многолюдным, на него прибыли богатые родственники Елизаветы Алексеевны – Столыпина, родственники покойного мужа – Арсеньевы, а также не очень богатые родственники со стороны жениха. После свадьбы молодожены отправились с визитами к родным и близким, а потом поселились в Тарханах. Елизавета Алексеевна не очень обрадовалась небогатому зятю, но смирилась, видя, что дочь обожает его.

В 1814 году молодожены провели некоторое время у родственников в Москве, и там, в доме у Красных ворот, принадлежавшего вдове генерала Федора Николаевича Толя (дом не сохранился, на его месте в советское время было возведена одна из станций метрополитена), в ночь со 2-го на 3-е октября 1814 года родился будущий поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. Повивальная бабка, принимавшая роды, сказала родителям:

– Это ребенок особый, он будет отмечен судьбой, но своей смертью не умрет.

По каким признакам она сделала такое заключение, неизвестно. Но оно оказалось пророческим. Крестили будущего поэта в церкви у Красных ворот (ликвидирована при советской власти). Елизавета Алексеевна, ожидавшая с нетерпением прибавления в своей семье, была счастлива. Она в 42 года стала бабушкой. К новорожденному сразу же были приглашены две няни, кормилица, бонна – немка Кристина Осиповна Ремер. Через семь месяцев семья вернулась из Москвы в Тарханы, захватив с собой доктора и бонну. В Тарханах к Мишелю (так стали называть в семье сына Марии Михайловны) были приглашены новые наставники и воспитатели.

По случаю рождения внука Елизавета Алексеевна основала недалеко от Тархан село, которое по имени внука назвала Михайловским. Его заселили крестьянами из двух соседних губерний. Молодая мать Мишеля Мария Михайловна Лермонтова любила сына безоглядно и почти не расставалась с ним. Во время игры на фортепиано сажала его к себе на колени, пела ему колыбельные песни, а в теплую погоду гуляла с ним по селу. Отец малыша Юрий Петрович Лермонтов не меньше матери любил своего сына, его часто видели прогуливающимся с ним по усадебному парку. В холодное время он занимал его детскими играми в комнате. Его ласки были по-мужски скупыми, но искренними.

Семейная радость молодой матери была недолгой. Она заболела чахоткой и находилась под постоянным наблюдением домашних докторов. Несмотря на самый заботливый уход, болезнь не отступала. Мария Михайловна стала реже выходить из дома, большую часть времени лежала в постели. Интимная близость с мужем становилась все более редким явлением. Молодой, здоровый и физически крепкий муж стал искать развлечения на стороне и сблизился с молоденькой бонной своего сына Сесилией Федоровной. Однажды Мария Михайловна застала ее в объятиях Юрия Петровича и была крайне оскорблена его недостойным поведением. Елизавета Алексеевна долгое время была в неведении, но когда ей донесли об этом дворовые люди, возненавидела зятя и лишила его управления усадьбой.

В периоды улучшения здоровья Мария Михайловна старалась больше внимания уделять сыну. Биограф Лермонтова Павел Александрович Висковатов (1842-1905), на основании сведений, полученных от старожилов, писал о ней: «Тихая, бледная барыня была хрупким созданием. Ее всегда сопровождал мальчик-слуга, который носил в сумке снадобья для лечения». Однажды она совершила прогулочную поездку в соседнее село. Но на обратном пути произошла размолвка с мужем. Мария Михайловна стала упрекать его в измене, а он, не сдержав своего темперамента, ударил ее кулаком в лицо. С этого времени состояние здоровья Марии Михайловны резко ухудшилось. Она окончательно слегла в постель и 24 февраля 1817 года тихо скончалась в возрасте неполных 22 лет. Горю Елизаветы Алексеевны не было предела. Она считала, что зять своим поведением ускорил смерть ее дочери, и отношения с ним резко обострились.

После отпевания тела Марии Михайловны, ее похоронили в усадебной церкви рядом с могилой ее отца Михаила Васильевича. На ее памятнике из серого гранита была сделана надпись: «Под сим камнем лежит тело Марии Михайловны Лермонтовой, урожденной Арсеньевой. Скончалась 24 февраля 1817 года. Житие ее было – 21 год, 11 месяцев и 7 дней». Маленький трехлетний Мишель, несмотря на ранний детский возраст, помнил свою мать, часто вспоминал о ней, а позже написал в одном из писем родственникам: «На ее коленях протекли первые годы моего младенчества. Ее имя было первой моей речью, ее ласки облегчали мои болезни». Он был очень привязан к матери и ее ранний уход из жизни потряс его детскую душу и оставил глубокий след в его неокрепшей нервной системе. После ее смерти Мишель каждый раз, когда видел женщину, напоминавшую мать по внешнему виду или по голосу, заливался слезами. До конца своих дней он сохранил в памяти ее дорогие черты.

После смерти дочери Елизавета Алексеевна предложила Юрию Петровичу покинуть Тарханы. Через две недели он уехал в свое родовое имение в Тульской губернии, оставив расписку о том, что до 16-летнего возраста Мишеля не будет вмешиваться в его воспитание. Он и сам понимал, что, имея скромный доход и двух незамужних сестер на своем попечении, он не смог бы дать хорошее воспитание и образование сыну, какие могла обеспечить ему богатая и влиятельная бабушка. Кроме двух младших сестер Натальи и Александры, у Юрия Петровича была еще старшая – Евдокия Петровна (в замужестве Погожина-Отрашкевич), которая имела двух сыновей, Михаила и Николая, и жила отдельно.

Отъезд из Тархан отца стал еще одним душевным потрясением для маленького ребенка, что отразилось на формировании его характера, а в будущем – и на его творчестве.

4. Детские годы

*«Наверно жизнь лишь в раннем детстве
Так первозданна и свежа,
Что никаких утрат и бедствий
Не хочет принимать душа».*

А. Жигулин

После смерти дочери Елизавета Алексеевна распорядилась снести дом, в котором скончались ее муж и дочь, чтобы он не напоминал ей о трагедии. В усадьбе был выстроен новый дом – деревянный, одноэтажный, с мезонином и крыльцом. Елизавета Алексеевна приняла на себя все заботы о воспитании внука. Для нее он теперь был единственным самым родным существом. Она была крутого нрава, властная и даже деспотичная (Висковатов), но внука Мишеля любила безмерно и не жалела средств на его содержание и обучение.

Исследователи жизни и творчества Лермонтова М.И. Гиллельсон и В.А. Мануйлов писали в 1972 году: «Тарханские впечатления Лермонтов запомнил на всю жизнь. Его одаренность и повышенная восприимчивость помогли ему сначала почувствовать, а потом понять и воплотить в своих творениях весь трагизм окружающего мира» («Лермонтов в воспоминаниях современников». М., 1972).

Михаил Юрьевич считал свое детство не только не очень счастливым, но даже в какой-то степени горьким. Ранний уход из жизни его матери не прошел для него бесследно. Это было первое сильное душевное потрясение для трехлетнего ребенка. Позже он писал в одном из стихотворений:

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец,
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я.

Все свое детство будущий поэт провел в селе Тарханы Пензенской губернии; оно было обеспеченным, но не безоблачным. Ему не хватало родительской ласки и внимания, хотя бабушка Елизавета Алексеевна всеми силами старалась заменить ему и мать и отца. «Забота бабушки была невероятной, – писал литератор Петр Кириллович Шугаев, основываясь на воспоминаниях тарханских старожил. – Каждое его слово и желание было законом не только для окружавших его лиц, но и для нее самой». По описанию мемуаристов, Мишель в детстве был «слаб здоровьем, но бойкий, резвый и шаловливый». Нрав его был «добрым и чувствительным».

Мемуарист А. Корсаков со слов одного старика капитана, рота которого находилась вблизи усадьбы Елизаветы Алексеевны, а он был частым ее посетителем, писал о детских годах Лермонтова: «Старуха была добрая, хлебосольная. Мишель от азбуки отбивался, рос баловнем. Здоровьем был жидким, золотушным мальчиком. От его капризов нянькам доставалось». Это все, что сумел постичь тогда капитан своим нехитрым умом.

У Мишеля было все, что требовалось для его развития, как умственного, так и физического. Павел Александрович Висковатов писал в одной из своих книг: «Елизавета Алексеевна так любила своего внука, что ничего не жалела для него, ни в чем ему не отказывала. Все должны были ходить вокруг Мишеля, угождать ему и забавлять». Он был окружен воспита-

телями, нянями, учителями. Позже, будучи взрослым, он сетовал на то, что у него не было русской няни, как у Пушкина. «Жаль, что у меня мамушка была немкой, – писал он друзьям, – и я не слышал русских сказок».

Его воспитательница-немка – «добрая старушка» Кристина Осиповна Ремер – была для него одновременно и няней, и воспитательницей, и учительницей. Она жила в доме Елизаветы Алексеевны с первых лет жизни Мишеля. Аккуратная и пунктуальная, она приучала своего воспитанника соблюдать порядок во всем, но он ему не всегда следовал из-за своего капризного нрава. Кристина Ремер говорила с ним только на немецком языке, и он овладел им в совершенстве.

Учителем французского языка с раннего детства Мишеля был француз Жан (Иван) Капэ. По воспоминаниям троюродного брата Лермонтова – Шан-Гирея, «это был высокий худощавый француз, с горбатым носом, всегдашний наш спутник». Биограф Александр Корсаков писал о нем: «Гувернер Капэ имел одну странность – любил мясо жареных галчат и старался приучить к этому блюду Мишеля, утверждая, что галчата – вещь превкусная». Но Мишель категорически отказался от такого лакомства, назвав его «падалью». Капэ был уже немолод и через несколько лет умер в Тарханах в доме Елизаветы Алексеевны, успев обучить своего ученика французскому языку, и Мишель владел им так же хорошо, как и русским.

Был у Мишеля и учитель греческого языка, бежавший в Россию из Греции из-за преследований. Уроки греческого языка не понравились Мишелю, и он стал уклоняться от них. Занятия были отложены на неопределенное время, а учитель занялся выделкой шкур павших собак. Обучил скорняжному делу нескольких жителей Тархан, которым этот вид промысла стал приносить неплохой доход.

Помимо учебных занятий с учителями, бабушка старалась уделять для Мишеля внимание физическим упражнениям. Едва ли Елизавета Алексеевна знала о постулате древних врачей Гиппократ и Галена, который гласил: «Старайтесь укреплять тело, это способствует укреплению нервной системы», но только интуитивно она придерживалась этого правила. В ее усадьбе были все возможности для этого. Перед домом находился большой пруд, а в одном из садов еще два небольших пруда. Рядом с усадьбой протекала река, и Мишель рано научился плавать в этих водоемах. Зимой они замерзали и использовались как катки. Мишель довольно быстро научился кататься на коньках, а позже ходить на лыжах по заснеженному саду.

Бабушка давала полную свободу его желаниям. Для него не было никаких запретов, кроме тех действий, которые могли причинить вред ему или другим. Она угадывала его желания уже при первых намеках на них и немедленно их выполняла. За шалости никогда не наказывала, а за любые удачи поощряла. Помимо игр во дворе Мишель любил заниматься в своей комнате рисованием. Биограф Лермонтова Павел Висковатов в своей книге писал: «Пол в комнате мальчика был покрыт сукном. Величайшим удовольствием для мальчика было ползать по нему и чертить мелом». Он рисовал фигурки людей и животных, а позже и целые сценки из жизни поселян, но уже не мелом, а акварельными красками в альбомах. В юности он рисовал портреты знакомых уже почти как настоящий художник.

Как уже говорилось, дом, в котором жил Мишель с бабушкой и прислугой, был построен вскоре после смерти его матери Марии Михайловны. Старый дом Елизаветы Алексеевны продала на снос, чтобы он не напоминал ей о трагических моментах недавнего прошлого. На его месте была построена часовня, а рядом выстроен новый дом, описанный выше, в котором Мишель провел все свое детство до самого отъезда на учебу в Москву в 1827 году. Возле дома был посажен вяз и две липы. Скамейки под ними стали любимым местом отдыха для Мишеля.

Усадьба напоминала красивый оазис внутри села. Во дворе было много цветочных клумб. Цветы росли и вдоль дорожек, распространяя благоухание. Летом все дорожки посыпали крупным песком. Вблизи усадьбы находилась дубовая роща, а за нею большой лес с разными поро-

дами деревьев. Сзади барского дома было много хозяйственных построек: сараи, конюшни, птичники, погреба. Позже Лермонтов описал эту усадьбу в одном из своих стихотворений:

И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится – и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

Детские годы навсегда запечатлелись в цепкой памяти будущего поэта.

5. Опека

«Лаской добьешься больше, чем грубой силой».

Эзон

Почти полная свобода действий, которую предоставляла любвеобильная бабушка Елизавета Алексеевна своему внуку Мишелю, способствовала раннему развитию его умственных способностей, самостоятельности суждений, наблюдательности, а с другой стороны порождала своеволие и капризы, от которых «доставалось и няням и воспитателям» (Шугаев). Для забав и детских игр к Мишелю приглашали детей его возраста. Они играли в войну, «строили крепости, сражались, «представляя нечто вроде потешных полков» (Шугаев). Некоторые из них жили в доме Елизаветы Алексеевны по несколько месяцев, а иногда и лет.

Бабушка Мишеля Елизавета Алексеевна каждый раз находила что-то новое для того, чтобы разнообразить игры детей, и даже приобрела оленя и лося. Но когда они подросли, то стали опасными не только для детей, но и для взрослых: олень поранил своими огромными рогами одного слугу, от него избавились тем, что не давали корма, и он погиб. Оставшийся лось был прирезан, и мясо его употребили в пищу.

В усадьбе была и другая живность: козы, овцы, коровы, кошки, собаки, куры, гуси, в большом количестве. Жители Тархан периодически устраивали «кулачные бои» с соседями. Победителей угощали водкой. Мишелю нравились такие зрелища, и «он от души хохотал» (Шугаев). А увидев своего садовника с разбитой губой, расплакался, но интереса к кулачным боям не потерял. Наблюдательность была с детства свойственна Мишелю. Однажды, гуляя по селу с воспитателями, увидел, что печной дым выходит прямо из крыши. Он удивился и по возвращении домой спросил у бабушки:

- А почему в избах дым идет не из трубы, а из крыши?
- Потому что для труб кирпич нужен, а он дорогой.
- Так нужно выдать им кирпич, – предложил Мишель.

И бабушка исполнила его просьбу. Поняв, что к его голосу прислушиваются и выполняют его просьбы, он стал защищать тех, кого обижали, бросался на их противников с палкой или каким-либо тяжелым предметом, который оказывался под руками.

Бабушка купила маленькую лошадь типа «пони», и Мишель вместе со своими друзьями быстро освоил верховую езду, а позже научился управлять лошадьми, запряженными в повозку. Любвеобильная бабушка, заметив, как туманятся глаза внука при виде родителей своих сверстников, поспешила отвлечь его внимание от воспоминаний о своих родителях. С этой целью повезла его в город на ярмарку и позволила самому выбирать любые игрушки и сладости. Домой они вернулись в карете, битком набитой игрушками.

Сверстники Мишеля не только приходили для игр, но и оставались жить иногда подолгу в их доме. Приезжал из соседней деревни Почелмы сын владельца этого имения Николай Давыдов. Одновременно с ним бабушка пригласила двоюродного брата Мишеля – Михаила Погожина-Отрашкевича, сына родной сестры Юрия Петровича Лермонтова, а позже и его брата Николая. Они не только занимались детскими играми, но и учебой под руководством учителя Ивана Капэ.

Несмотря на здоровый деревенский воздух и полное довольство, Мишель в детстве болел простудными заболеваниями и золотухой. Периодически на теле появлялись мокнувшие высыпания, от которых «рубашка прилипала к телу». Усилия домашнего доктора Ансельма Левиса, назначавшего строгую диету, ванны с настоями трав, оказались малоэффективны: болезнь победить не удавалось. В 1818 году летом Елизавета Алексеевна вместе с доктором Левисом, гувернанткой Кристиной Ремер и учителем Иваном Капэ повезла внука на Кавказ к целеб-

ным источникам. После лечения кожа ребенка очистилась. Когда они собрались уезжать и перед отъездом прогуливались по бульвару, к ним подошла цыганка. Елизавета Алексеевна не очень доверяла их гаданьям, но ради любопытства попросила ее предсказать судьбу Мишеля. Цыганка по линиям рук определила, что гувернантке недолго осталось жить, а «мальчик далеко пойдет, но примет смерть от спорной женки». Одно предсказание вскоре сбылось: Кристина Ремер, которая была уже в очень преклонном возрасте, умерла на Кавказе во время одной из поездок.

Доктор Ансельм Левис требовал, чтобы Мишель и его друзья придерживались особой диеты: употребляли ржаной или пшеничный хлеб грубого помола со сливочным маслом, овощи в неограниченном количестве, особенно зелень, и ограничивали употребление мясной пищи, рекомендовал давать ее только два раза в неделю.

В дальнейшем бабушка еще два раза возила Мишеля на Кавказ: в 1820 и в 1825 году. Во время последней поездки привезла оттуда троюродного брата Мишеля – 7-летнего Акима Шагин-Гирея. Помогла его матери приобрести дом недалеко от Тархан, а Акима взяла в свой дом для воспитания и обучения. Учителей для него и Мишеля подбирала сама – «добрых, человеколюбивых и искусных в науках».

Для игр к Мишелю бабушка приглашала и крестьянских детей. Под надзором гувернеров и учителей они занимались развлекательными играми в саду, гимнастикой, плаванием и другими видами спорта. Зимой дети устраивали игры во дворе: катание с горок на санках, игру в снежки.

На «святках ряженые пели и плясали» перед детьми (П.А.Висковатов). Во время пасхальных праздников приглашали девушек из соседних сел катать яйца. Мишель брал корзину с яйцами и тоже участвовал в игре, но почти всегда проигрывал. А выиграв однажды, прибежал поделиться своей радостью.

– Бабушка! Я выиграл! – кричал он.

– Ну, слава Богу. Бери корзину яиц и катай еще. (Из заметок Шугаева.)

Зимой и ранней весной в доме было тепло, уютно. Мишель любил ароматный запах обеденных блюд, доносившихся из столовой. Все мальчишки, которые жили в доме Елизаветы Алексеевны, обедали с Мишелем за одним столом.

Бабушка Мишеля была требовательной по отношению к домашней прислуге, но по отношению к внуку была нежной, доброй и снисходительной. За шалости и проказы, если они не причиняли большого вреда кому-либо, она его никогда не наказывала, а за любые успехи – поощряла. Она давала почти полную свободу внуку для его физического и умственного развития. Это способствовало развитию его наблюдательности и сообразительности. Она еще не знала о его литературных способностях, но интуитивно, видимо, чувствовала, что ребенок необычный.

В то же время отсутствие запретов, исполнение всех желаний внука способствовали развитию своеволия и вседозволенности. О бабушке Мишеля Висковатов писал: «Она никогда с ним не расставалась. Он спал в ее комнате. Она наблюдала за каждым его шагом, страшилась малейшего нездоровья».

В июне 1825 года бабушка в третий раз повезла Мишеля для лечения на Кавказ. В книге приезжих было записано: «Арсеньева Елизавета Алексеевна, вдова, поручица из Пензы, при ней внук Михайло Лермонтов, родственник Михайло Пожогин, доктор Ансельм Левиз, учитель Иван Капэ и гувернантка Кристина Ремер».

Количество сверстников Мишеля, которые жили в усадьбе его бабушки, с каждым годом прибавлялось. Вскоре там поселились два брата Юрьевых, братья Максютовы. «Дом был битком набит детьми» (Висковатов).

Детские годы запомнились будущему поэту как самые благополучные и безмятежные. Он предводительствовал всеми мальчиками, которые жили в доме его бабушки или приходили

к нему для игр. По воспоминаниям мемуариста Александра Корсакова, «в доме Арсеньевой жило до десяти мальчиков. На их воспитание она тратила большие деньги».

Мишель рано привык не встречать никаких препятствий для своих желаний, которые немедленно исполнялись. Всеобщая любовь и забота сделали его баловнем. Это отразилось и на формировании его личности: несмотря на врожденную доброту, у него развился дух своеволия и упрямства. Все было предоставлено для его развития: зимой ледяные горки, на святках – ряженые, во время пасхальных дней катанье крашеных яиц, на Троицу – прогулка в лес. «Рос Мишель среди женского элемента» (Висковатов). С годами Мишель становился все более капризным и требовательным, за что в Тарханах жители стали называть его «своенравным шалуном» (Шугаев).

Отец Мишеля жил в своем родовом имении Кропотово с двумя младшими сестрами. В воспитание сына не вмешивался согласно договора, заключенного с его бабушкой. Мишель рос подвижным, любознательным, на обиды реагировал слезами, но обидчикам спуска не давал. Играя с крестьянскими детьми, видел их нищету и пообещал построить им новые избы, когда вырастет.

В Тарханах – в этом цветущем, почти «райском» уголке – будущий поэт познавал окружающий мир, полный загадок и ярких красок. Он еще не умел справляться со своими эмоциями, и они бурно проявляли себя – то чрезмерной радостью, то печалью. Здесь, в эти годы, он впервые узнал, что такое несправедливость, что существует неравенство, что есть господа и подневольные люди, которые не имели права распоряжаться собственной судьбой. И много еще других, неожиданных для него, истин открылись ему в эти годы, промелькнувшие с быстротой молнии, и как яркий луч осветили ему дорогу в будущее.

6. В московском пансионе

*«Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..»*

Федор Глинка

После основательного домашнего обучения бабушка привезла Мишеля в 1827 году в Москву с целью определения в престижный Университетский пансион. Сняла квартиру в центре Москвы, на Поварской улице. Для подготовки Мишеля к обучению в пансионе Елизавета Алексеевна пригласила преподавателей. Одним из них был француз Жандро. По воспоминаниям его современников, он был к тому времени уже «в преклонном возрасте, строг, взыскателен, но добр». Но он недолго обучал Мишеля, через два года – в 1829 году, когда его ученик уже учился в Московском пансионе, он умер. На его место был приглашен англичанин Ф.Ф. Винсон.

Английский язык для Мишеля оказался трудным, и он до конца своих дней не мог говорить на нем так же свободно и бегло, как на французском и немецком. В дальнейшем Винсон жил в доме знаменитого министра народного просвещения, графа Сергея Семеновича Уварова (1786-1855).

Другим учителем Лермонтова с первых дней его пребывания в Москве был профессор Московского университета и преподаватель в Московском пансионе Алексей Зиновьевич Зиновьев (1801-1884). Он обучал Мишеля на дому русскому языку и российской словесности, а в пансионе преподавал красноречие и латинский язык. Он оставил воспоминания о своем воспитаннике.

В Москве у юного Лермонтова появился новый круг общения. У Красных ворот жили родственники Елизаветы Алексеевны – семья Мещериновых: глава семьи подполковник гвардии в отставке Петр Иванович, его жена Елизавета Петровна (урожденная Собакина), их сыновья – Владимир, Петр и Афанасий.

В их семье Лермонтов впервые увидел легендарного «боевого генерала Алексея Петровича Ермолова, который с 1816 по 1827 гг. был главнокомандующим на Кавказе, командовал Отдельным Кавказским корпусом... После подавления восстания декабристов он был в опале и вышел в отставку» (Гиллельсон М.И., Мануйлов В.А. «Лермонтов в воспоминаниях современников», 1972). Позже Лермонтов упомянул о нем в своем стихотворении «Спор»:

И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.

После предварительной подготовки в домашних условиях 14-летний Лермонтов в 1828 году был определен в Московский университетский пансион. По воспоминаниям Дмитрия Алексеевича Милютина (1816-1912), поступившего в пансион на год позже Лермонтова, «это заведение в то время пользовалось прекрасной репутацией и особыми преимуществами, оно стояло наравне с Царскосельским лицеем... Направление было литературным, с преобладанием русской словесности, а учебный курс превышал гимназический уровень» (Милютин).

В пансионе воспитанники изучали такие предметы, как римское право, эстетика, латинский и греческий языки и военная наука. Преподавателями были в большинстве профессора

Московского университета. Любимый Лермонтовым предмет – русскую словесность – преподавал заслуженный профессор Алексей Федорович Мерзляков (1778-1830). Он обучал этому предмету Мишеля Лермонтова и на дому по приглашению его бабушки.

К моменту поступления Лермонтова в пансион там было несколько десятков «казенно-коштных» воспитанников, обучавшихся за государственный счет. Лермонтов был «своекоштным», т. е. находился на собственном обеспечении. «Казеннокоштные» ученики жили при пансионе в комнатах, рассчитанных на 8-12 человек. Лермонтов поступил сразу в четвертый класс, он был «полупансионером», его ежедневно привозили на занятия из дома в сопровождении гувернера. В пансионе были те же факультеты, что и в Московском университете, кроме медицинского.

Здание пансиона находилось в центре Москвы (на месте будущего телеграфа, угол ул. Тверской и Огарева). Для удобства посещения пансиона Елизавета Алексеевна переехала с Поварской улицы на Малую Молчановку в дом купца Петра Чернова. Позже в этом доме был открыт музей Лермонтова.

В 1828 году в съемной квартире Елизаветы Алексеевны поселился троюродный брат Мишеля, десятилетний Аким Шан-Гирей, обучавшийся на дому. В Мишеле он нашел большую перемену, как во внешности, так и в поведении: «По зрелости рассуждений он был уже не дитя, и у него были уже другие интересы» (Шан-Гирей).

Привыкший к неограниченной свободе и к исполнению всех своих желаний, Лермонтов первое время не мог быстро приспособиться к ограничениям в пансионе. Освоился только через два месяца. Подружился с некоторыми воспитанниками, среди которых были: 15-летний Михаил Иванович Сабуров, ему позже Лермонтов посвятил несколько своих стихотворений; Андрей Михайлович Миклашевский (1814-1905); Николай Федорович Туровский; Константин Александрович Булгаков с 1829 года (1812-1862), «остряк и весельчак», группировавший вокруг себя воспитанников. Там, где он появлялся, не умолкали шутки и смех. Но особенно Лермонтов был дружен со своим прежним товарищем и дальним родственником Володи Мещериновым, с которым учился на одном курсе.

Многие воспитанники пансиона в будущем стали учеными, военнослужащими или общественными деятелями: Константин Булгаков и Андрей Миклашевский стали кадровыми военными, Дмитрий Алексеевич Милютин был в должности военного министра, Михаил Сабуров стал видным общественным деятелем, Василий Степанович Межевич избрал своей специальностью журналистику. Директором пансиона в те годы был Петр Александрович Курбатов (1796-1873), инспектором – Иван Аркадьевич Светлов. По воспоминаниям Милютина, «это были «личности довольно бесцветные, но добродушные и поддерживавшие насколько могли старые традиции».

Основным учебным предметом была русская словесность. Воспитанники изучали русскую литературу, заучивали наизусть сочинения русских и зарубежных поэтов. Сочинения воспитанников зачитывались на литературных собраниях в присутствии преподавателей. «В большом ходу были рукописные сборники статей в виде альманахов, ходивших по рукам между товарищами, родителями и знакомыми» (Милютин). Издавался журнал «Атеней». Преподаватель русской словесности Семен Егорович Раич (1792-1855) – поэт, переводчик, журналист – издавал журнал «Галатея». По этому примеру воспитанники стали издавать свои рукописные журналы «Арион», «Пчелка», «Улей» и «Маяк». В журнале «Улей» были помещены первые стихи Лермонтова. По мнению воспитанника пансиона Василия Межевича (1814-1849), «они отличались зрелой мыслью не по летам и живым поэтическим чувством».

Лермонтов участвовал в заседаниях «Общества любителей российской словесности». Основал его Семен Егорович Раич. Члены его заседали по субботам, читали и обсуждали свои сочинения и переводы. Ежемесячно проводились торжественные собрания в присутствии попечителя Московского университета Александра Александровича Писарева, директора пан-

сиона Петра Александровича Курбатова, профессора Московского университета Михаила Григорьевича Павлова. Допускались на лекции и посторонние посетители. 29 марта 1829 года состоялось торжественное собрание, на котором отличившихся воспитанников награждали за успехи книгами и другими подарками. «Мишель получил первый приз и был счастлив», – писала позже в своих воспоминаниях его приятельница Екатерина Сушкова. На выпускном акте Лермонтов прочитал стихи поэта Василия Андреевича Жуковского (1783-1852) «Море»:

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей...

Помимо серьезных занятий, воспитанники пансиона позволяли себе и шалости. Однажды принесли в класс воробья, он летал по всему классу, бился в стекла, а они гонялись за ним с криками и смехом. В пансионе Лермонтов стал увлекаться поэзией Байрона, читал сочинения Вальтера Скотта, Шиллера, а из русских поэтов – стихи Державина, Пушкина, Рылеева, Жуковского, Батюшкова, басни Крылова. Из пансиона воспитанников выпускали с правами 14-го класса, что соответствовало званию коллежского регистратора. 12-й класс соответствовал губернскому секретарю, 11-й – коллежскому секретарю. Вкусы у многих москвичей были своеобразные: восторг или умиление у привилегированного сословия вызывало все кукольное, приглаженное, а то, что было мужественным, основательным, считалось неизящным и отпугивало.

Гроза над пансионом разразилась внезапно. 11 марта 1830 года, во время перемены, в пансионе неожиданно появился император Николай I – один, без свиты. До него дошел слух о вольнодумстве среди воспитанников, и он решил сделать проверку. «Это было первое царское посещение, – вспоминал Милютин, – оно было до того непредвиденным, что начальство наше совершенно потеряло голову». У входа императора встретил только престарелый вахтер. Пройдя через актовый зал, император появился в коридоре, который воспитанники превратили «в арену гимнастических упражнений» (Милютин). Они не обратили никакого внимания на человека в генеральской форме. Обрадовавшись отсутствию надзора за ними со стороны взрослых, дети с громкими криками носились, как метеоры, по коридору, сбивая друг друга с ног. Шум стоял невообразимый. Воспитанники были в переходном возрасте – от пубертатного к юношескому, в периоде интенсивной перестройки в организме и игры гормонов. Во время перемены они выплескивали всю свою энергию, накопившуюся за время неподвижного сидения в классах.

Император, рискуя быть сбитым с ног, с трудом пробрался в один из классов, в котором сидели несколько воспитанников, не принимавших участия в беспорядочной беготне. Один из них вскочил с места и громко крикнул:

– Здравия желаю Вашему Величеству!

Это был Костя Булгаков. Ученики восприняли его приветствие как очередную шутку и стали громко смеяться над тем, что он простого генерала называет «величеством». Разгневанный император осмотрел другие классы и только в одном из них нашел надзирателя, от которого потребовал собрать всех учащихся и преподавателей в актовом зале. «Прибежали, запыхавшись, директор с инспектором, перепуганные, бледные и дрожащие» (Милютин). Всех воспитанников и служителей пансиона пригласили в актовый зал. «Император излил свой гнев на нас и начальство с такой громкой энергией, какая нам никогда и не снилась» (Милютин). Император обвинил начальство пансиона и учащихся в том, что они «не дорожат честью своего учебного заведения, и такая распушенность может привести к неприятным последствиям».

– Вы призваны соблюдать справедливую строгость, и предотвращать неблагоприятные поступки воспитанников, а у вас и намек нет на дисциплину и порядок. Не ожидал я такого хаоса от престижного заведения!..

«Пригрозив принять меры, он уехал, а мы, изумленные, с опущенными головами разошлись по своим классам. Но еще больше опустило головы наше бедное начальство» (Милютин). Никто не сомневался, что меры будут самыми строгими и плачевными для них. Ведь еще не изгладились из памяти события 5-летней давности на Сенатской площади, носились слухи о готовящемся покушении на императора, живы были еще декабристы с их вольнодумством, хоть и закованные в кандалы и работавшие в глубоких рудниках Сибири. Император боялся любой крамолы, любого посягательства на незыблемость самодержавия. Один из политических деятелей писал: «Николай I настоящий жрец самодержавия, из которого он сделал культ».

Многие были уверены, что император устроил инсценировку, разыгранную по всем правилам актерского искусства, «со всеми атрибутами заранее спланированного спектакля». Это был предлог для того, чтобы закрыть пансион, как потенциальный источник вольнодумства. Через 18 дней, 29 марта 1830 года вышел указ императора: «Отменить все привилегии пансиону и преобразовать его в обычную казенную гимназию с применением телесных наказаний».

Впереди науку и просвещение ожидали еще более строгие ограничения: увольнение профессоров, имевших демократические взгляды, сокращение количества студентов в вузах до минимума и ужесточение полицейского надзора за студентами в этих учреждениях, закрытие трех факультетов – философского, общественного права и нравственно-политического. Бедная Россия! Какие только эксперименты не проводились над нею по воле государственных деятелей. Общественный деятель С.С.Татищев писал (видимо в шутку): «Император Николай I постиг и точно определил создавшееся в пансионе положение и проявил заботливость и попечительство». Другой общественный деятель П.М. Бициллин так охарактеризовал Николая I: «Это не простой комедиант, он актер, который мог перевоплощаться в разные роли».

Лермонтов по совету бабушки подает прошение об отчислении его из пансиона. После чего стал готовиться к поступлению в Московский университет. О том значении, которое имело для Лермонтова обучение в пансионе, хоть и не полностью законченное, писали современные литературоведы и историки М.И. Гиллельсон и В.А. Мануйлов: «Правомерно сделать вывод, что на духовное развитие Лермонтова Московский университетский пансион оказал столь же большое и положительное влияние, как и Царскосельский лицей на Пушкина».

7. Студент московского университета

*«И я молюсь – о, русская земля! –
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны».*

Николай Рубцов

16 апреля 1830 года Лермонтов, не окончив 6-го класса, по его прошению был отчислен из пансиона. 21 августа (ст. ст.) того же года, выдержав вступительные экзамены, поступил в Московский университет на нравственно-политическое отделение (юридическое) с трехлетним периодом обучения. Но учился недолго. Поняв, что это не его призвание, перешел на словесное отделение. В то время в университете на разных факультетах учились будущие литераторы и публицисты – Александр Герцен, Виссарион Белинский, Иван Гончаров, Константин Аксаков. Ректором университета был Павел Алексеевич Двигубский (1771-1839), деканом словесного факультета – Михаил Трофимович Каченовский (1775-1842), историк и журналист. Лекции по риторике (красноречие, ораторское искусство) читал Петр Васильевич Победоносцев (1771-1845). Должность попечителя Московского учебного округа занимал действительный тайный советник князь Сергей Михайлович Голицын (1774-1859). О нем у студентов и профессоров осталась добрая память. Герцен позже писал: «Это был человек высокообразованный, гуманный, доброго сердца, характера мягкого. Имя его студенты произносили с благоговением и каким-то особым исключительным уважением».

Помощниками Голицына были граф Виктор Никитич Панин (1801-1874) и Дмитрий Павлович Голохвастов (1796-1849). О них оставил свои воспоминания Павел Федорович Вистенгоф, который учился на словесном отделении вместе с Лермонтовым: «Это были люди совершенно противоположных князю Голицыну качеств, необузданные деспоты. Граф Панин не говорил со студентами, как с людьми образованными или что-то понимающими, он повелительно кричал густым басом, командовал, грозил и страдал. Голохвастов был язвительного надменного характера, злорадствовал по всякому студенческому промаху. Для студентов это были ненавистные личности».

В университете немного было людей, которым бы симпатизировал Лермонтов. Больше было тех, у которых он сам не вызывал симпатию. Вистенгоф писал: «Лермонтов имел тяжелый, несходный характер, был дерзок и заносчив, смотрел с пренебрежением на окружающих, считая их ниже себя». Однокурсник Лермонтова будущий писатель Иван Александрович Гончаров писал о поэте: «Это был смуглый, одутловатый юноша, с чертами лица как будто восточного происхождения, с черными выразительными глазами. Он казался мне апатичным, говорил мало, сидел в ленивой позе, полулежа, опершись на локоть». Лермонтов вызывал любопытство у студентов тем, что общался избирательно, редко вступал в откровенный разговор. Чаще сидел в стороне и читал книгу. Всем было любопытно узнать, что скрывается за его загадочным поведением, раздражала его отгороженность, отпугивал его строгий неприветливый взгляд.

Большинство студентов, по воспоминаниям Вистенгофа, «вели рассеянный образ жизни. Мы любили повеселиться и у нас процветали всевозможные удовольствия: балы, собрания, маскарады, театры, званые обеды, радушные приемы во многих домах. Эти забавы наносили ущерб учебе. На подготовку к экзаменам не было времени. В первый же год многие не осилили греческий и латинский языки, их на 1 курсе оставили на второй год». Вистенгоф писал о Лермонтове: «Он посещал балы в Благородном собрании, был изысканно одет, окружен молодыми

дамами и делал вид, что не замечает нас. Танцующим мы его не видели». Любопытство заставило Вистенгофа однажды обратиться к нему с вопросом:

– Позвольте спросить вас, Лермонтов, какую книгу вы читаете? Без сомнения, интересную, судя по тому, как вы углубились в нее. Нельзя ли поделиться ею и с нами?

«Он мгновенно оторвался от чтения, – пишет далее Вистенгоф. – Как удар молнии сверкнули его глаза. Трудно было выдержать этот неприветливый взгляд». Лермонтов удивился любопытству и назойливости студента и резко спросил:

– Для чего вам нужно это знать? Содержание книги не может вас интересовать, вы его не поймете.

Вистенгоф обратил внимание, что книга была на английском языке. Он так и не сумел найти контакта с Лермонтовым и в течение двух месяцев никаких попыток сблизиться с Лермонтовым не делал.

Вскоре после начала занятий в Москве участились случаи холеры. Болезнь быстро приняла массовый характер. Казеннокоштные студенты были посажены на карантин. Студенты медицинского факультета были разосланы по больницам, где работали в качестве фельдшеров и сиделок без вознаграждения, без выходных дней в течение 4-х месяцев до окончания эпидемии. По улицам Москвы с утра до вечера тянулись санитарные кареты с больными в лазареты и похоронные дроги на кладбища. С середины сентября 1830 года и до января 1831 занятий в университете не было. Жителей охватила паника, многие стали покидать Москву. Это время как учебное студентам не засчитали. Только в январе занятия возобновились. Лермонтов много читал и писал стихи. Продолжил работу над поэмой «Демон», начатую в пансионе. Ему шел только 17-й год, а стихи уже поражали не только благозвучием, но и глубиной содержания, точностью художественных определений.

Не все лекции привлекали внимание Лермонтова, не все были интересными и содержательными. Он охотно слушал только лекции историка Михаила Петровича Погодина (1800-1875) и еще 2-3 профессоров, остальные считал «бесцветными». Особенно не любился студентам профессор Михаил Яковлевич Малов (1790-1849). А.И. Герцен о нем писал: «Это был глупый, необразованный профессор, студенты презирали его и смеялись над ним, а он делал дерзости студентам, и его решили изгнать из аудитории». К этому студентов призвал Герцен. Он предложил «пойти войной на Малова». Когда профессор Малов вошел в аудиторию, студенты стали шаркать по полу ногами, чтобы заглушить его речь.

– Вы ваши мысли выражаете, как лошади, ногами, – сделал замечание Малов.

«После этого поднялась буря, свист, шиканье, крики: „Вон его! Пусть он сгинет!“» – вспоминал Герцен. Воинственный вид студентов, видимо, напугал Малова, и он попытался выйти из помещения. Студенты бросились за ним и вытолкнули на улицу, бросив вслед его галоши. После этого инцидента университетский совет вынес решение: удалить профессора Малова из университета, а зачинщиков беспорядка наказать. Герцен и еще 5 студентов были посажены в карцер – «в грязный подвал на хлеб и воду». А студенты их подкармливали – по вечерам приносили им не только продукты, но и вино и папиросы. Кроме Герцена в карцере находились Иван Арапетов, князь Андрей Оболенский, Михаил Розенгейм и еще два студента того же факультета.

Преподавание в университете, по мнению Лермонтова и других студентов, не удовлетворяло их, и они дополняли его самообразованием. Участвовали в научных дискуссиях, выступали на студенческих вечерах с докладами. Особенно красноречием отличался В.Г. Белинский, который с Лермонтовым еще мало знаком был в тот период. Он учился на другом факультете. Вне стен университета студенты читали художественную литературу и журналы, один из которых, «Московский вестник», издавал М.П. Погодин, другой – «Вестник Европы» – М.Т. Каченовский. Был литературный кружок Герцена и Станкевича, но Лермонтов не был его членом.

Он, как и некоторые другие студенты, не был прилежен в смысле аккуратного посещения лекций, но охотно посещал балы, маскарады, театры.

Врач древности Клавдий Гален писал в одном из своих трактатов: «Обучение и воспитание должно сделать человека справедливым и благоразумным». Но в университете не все профессора следовали этому правилу. Ректор университета Павел Иванович Двигубский, которому шел 60-й год, по воспоминаниям его сослуживцев и студентов, был груб и неучтив. Но среди профессоров и преподавателей было немало настоящих ученых, глубоко изучивших свой предмет, эрудированных и в других областях знаний.

Студенты носили форменную одежду: однобортный мундир с фалдами темно-зеленого цвета с малиновым воротником, треугольную шляпу и шпагу. Сюртук был двубортным, с металлическими пуговицами. На лекции допускали только в студенческой форме, а вне стен университета разрешалась гражданская одежда.

К Лермонтову несколько раз приезжал отец из Тульской губернии с двумя незамужними младшими сестрами. На праздники он брал сына к себе. Бабушка была недовольна, но не возражала, видя, с каким нетерпением внук ждет встреч с отцом. 11 мая 1831 года 16-летний Лермонтов вместе с 19-летней Екатериной Александровной Сушковой, за которой он ухаживал, и с ее приятельницей, 20-летней Александрой Михайловной Верещагиной, посетил Троице-Сергиеву лавру. Там увидел стоявшего на паперти слепого старика с протянутой рукой и положил несколько монет в его кружку. Тот благодарил со слезами и проверил, звенят ли монеты. При этом объяснил:

– Намедни тут были молодые люди и посмеялись надо мной: вместо денег положили камушки. Ну, Бог им судья.

По возвращении домой Лермонтов написал короткое стихотворение, в котором были такие строчки:

У врат обители святой
Стоял просящий подаюня,
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл немую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

В конце лета Лермонтов из Середниково вернулся в Москву. Он продолжал встречаться с Сушковой и Верещагиной, стал чаще писать стихи, посвящая их Сушковой. Однажды предложил провести литературную игру: написать несколько строчек в стихотворной форме. Сам он написал стихи, позаимствованные у Пушкина, и Катенька Сушкова пристыдила его:

– Не потрудился придумать что-нибудь свое, перенял у Пушкина.

Обиженный Лермонтов на следующий день преподнес ей стихи собственного сочинения:

Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей;
Гляжу – природа молодеет,
Не молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

Стихи Сушковой не понравились. И сам Лермонтов не вызывал у нее никаких эмоций. Она была в расцвете яркой красоты, а Мишель выглядел как подросток. Сушкова мало обращала на него внимания. Она весело проводила время с дальней родственницей Лермонтова Сашенькой Верещагиной, к Мишелю относилась как к ребенку. Он всюду их сопровождал и носил за ними их шляпы, перчатки и зонтики. Они называли его «чиновником особых поручений». Его ухаживания за Сушковой прекратились после ее отъезда в Петербург.

В 1831 году Лермонтов получил печальное известие: в Кропотове 1 октября умер его 44-летний отец Юрий Петрович. Михаил Юрьевич был поражен этим неожиданным известием и под впечатлением этого события написал такие строки:

Ужасная судьба отца и сына,
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай Бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!

Похоронен был Юрий Петрович в Тульской губернии, в родовом селе. Отслужив панихиду по отцу, Лермонтов продолжал учебу в университете. Он много читал как отечественную, так и зарубежную литературу. Особенно увлекся поэзией Байрона.

Внешность его была, как отмечали многие современники, некрасивой, черты лица неправильными. Писатель Гончаров писал: «Вся фигура Лермонтова внушала нерасположение к нему». Окончательно внешность Лермонтова к этому времени еще не сформировалась, и некоторые мемуаристы считали ее почти карикатурной: «кривоногий», «косопалый», «сутулый», «неуклюжий», с короткой шеей, малого роста. Так писали чаще всего те, которые с ним редко сталкивались. Профессор А.З. Зиновьев, который занимался с ним в течение полутора лет на дому, а затем видел на занятиях в пансионе, и троюродный брат Лермонтова Шан-Гирей, который видел его ежедневно, писали, что ничего карикатурного в его внешности не было, что он был ловок, крепок и силен. У него были красивые руки, нежные, ярко очерченные губы и белозубая улыбка.

В университете, как и раньше в пансионе, он занял особое положение: имел самостоятельное суждение, держался независимо, общался избирательно, больше уделяя внимание наблюдению за окружающим миром, что получило отражение в его творчестве. В свободные минуты занимался рисованием, фехтованием и верховой ездой.

Вестенгоф и Гончаров писали с долей предвзятости: «Взгляд у него был неприветливый, насквозь пронизывающий». Такой взгляд у него был направлен на тех, к кому он не благоволил. Для своих приятелей взгляд всегда был доброжелательным. Одним из видов увлечения были прогулки по Москве, которую считал своей родиной, так как родился в Москве и жил несколько месяцев после появления на свет. «Москва не есть обыкновенный город, каких тысячи. Москва не безмолвная громада, у нее есть своя душа, своя жизнь, свой язык, сильный и звучный. Ни башни Кремля, ни его зубчатые стены описать нельзя, их надо видеть, надо чувствовать то, что они говорят сердцу и воображению», – писал Лермонтов. Москву он любил больше, чем Петербург, и позже прославлял ее в стихах:

Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!..

Даже по прошествии нескольких лет после отъезда из Москвы он продолжал восхищаться ею: «Покуда я живу, клянусь, друзья, не разлюблю Москву!» И это притом, что Москва в тот период напоминала больше купеческий город, чем вторую столицу России. В самом центре ее, на Красной площади, был самый большой рынок. У кремлевской стены стояли торговые палатки, возле храма Василия Блаженного продавали пирожки и разные кондитерские изделия. А на противоположной стороне площади стояли возы с разной рухлядью. Кричали извозчики, зазывая пассажиров. Не было канализации. Ежедневно рано утром по улицам Москвы тянулись ассенизационные обозы. Только через 50 лет после смерти Лермонтова городской голова Николай Александрович Алексеев ликвидировал рынок, построил вместо Торговых рядов прекрасное здание – ГУМ, который и поныне украшает центр Москвы.

Лермонтов с благоговением относился даже к Царь-пушке в Кремле, которая, по выражению историков, «никогда не стреляла», и к Царь-колоколу с отбитым куском, «который никогда не звонил». «Что может сравниться с Кремлем? – восхищался Лермонтов. – Окруженный зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит он на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки». Он любил не только центр Москвы, но и ее окрестности, по которым совершал прогулки, то пешком, то в экипаже. После окончания учебы и отъезда в Петербург он часто приезжал в Москву и жил подолгу, то у родственников, то у друзей.

Московский университет, в котором учился Лермонтов, был построен в XVIII веке в царствование Елизаветы Петровны, рядом с Кремлем. Из его окон была видна кремлевская стена с башнями, купола соборов и колокольня Ивана Великого. Герцен, который с 1829 года был студентом физико-математического факультета, писал после завершения учебы: «Московский университет все больше становился средоточием русского образования. Для этого были все условия: географическое положение, отсутствие царя, историческое значение. В Москву вливаются новые силы России». Несмотря на строгий надзор, среди студентов процветало вольнодумство, мечтой многих из них было «желание пойти за Бестужевым и Рылеевым».

В руки студентов попадали зарубежные, запрещенные в России книги, в переводах или в подлинниках. Но, как писал Герцен, «доносов об этом начальству не было». Лермонтов отличался живостью мысли, остроумием, писал эпиграммы, и, как отмечали современники, «характер у него был скорее веселый, любил общество, особенно женское». Лекции некоторых профессоров Лермонтова не удовлетворяли, и он называл их «бездарными, с устаревшими взглядами», такими же, как у администрации. «На втором году учебы Лермонтов не был аттестован ни у одного профессора. Против его фамилии стояли надписи: „отсутствовал“, и он был отчислен» (Вестенгоф). Но фактически он был не отчислен, а сам не пошел сдавать экзамены и 1 июня 1832 года покинул университет, проучившись в нем два года без трех месяцев.

8. В школе юнкеров

«Цель школы – воспитание».

И. Песталоцци

Покинув Московский университет, 18-летний Лермонтов со своей бабушкой Елизаветой Алексеевной приезжает в Петербург и подает заявление о приеме в университет. Но его не зачислили, ни на второй, ни на третий курс. Учебу нужно было начинать снова с первого курса, то есть он терял два года учебы, и он забирает свое заявление с тем, чтобы найти другое учебное заведение.

Петербург Лермонтову не понравился:

Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни глянешь, красный ворот (*полицейский*),
Как шиш, торчит перед тобой...

Вопреки совету и желанию Елизаветы Алексеевны Лермонтов подает документы в школу лейб-гусарских юнкеров, в которую был зачислен 14 ноября 1832 года. Эта школа была учреждена великим князем (позже императором) Николаем Павловичем в 1823 году. Во главе школы сначала был полковник Измайловского полка Павел Павлович Годаин, а после него – генерал Константин Антонович Шлиппенбах (1796-1859). По воспоминаниям курсанта школы Ивана Васильевича Анненкова (1814-1887), «это была тяжкая година, когда строгости и крутые меры довели школу до положения кадетского корпуса. Назначение Шлиппенбаха начальником школы тяжело отозвалось для нас». Шлиппенбах заходил в классы, «чтобы посмотреть, смирно ли мы сидим, не высунулась ли у кого-нибудь рубашка из-под куртки, а научная часть его не занимала, он был враг всякой науке».

Вечером, «когда запиралась входная дверь в эскадрон, воспитанники школы занимались игрой в карты или чтением, а некоторые распивали вино». В одной из комнат лазарета устраивали «вечера с ужином и карточной игрой, но лучшее наслаждение доставляло нам курение» (Анненков). Курили не папиросы, а трубки. Одна трубка предназначалась для троих, можно было только три раза затянуться. Ее хранили в особом шкафу, носили туда в рукаве. Курили табак «двухрублевый Жукова».

Юнкера вели разгульную жизнь, часто посещали свое любимое место – «кондитерскую Беранже». Там была комната для юнкеров, и там давали в долг. Развлекались тем, что устраивали «разные проказы», но жили дружно. Лермонтов часто посещал манеж не только в дни учебы, но и в любую свободную минуту. Через три месяца после поступления в школу Лермонтов сел на необъезженную лошадь, Она стала носиться по манежу, взбрыкивая и пытаясь его сбросить. В результате наездник получил травму правой ноги, с повреждением мягких тканей голени и кости. Потерял сознание и упал с лошади. Его на носилках отнесли в лазарет. Бабушка был в полном отчаянии. Она пришла в слезах к Анненковым и просила навестить внука. Жена Николая Николаевича Анненкова (1799-1865) – Вера Ивановна (ур. Бухарина) (1813-1902), посетила вместе с мужем Лермонтова в лазарете.

Вспоминая об этом свидании, она написала: «Мне Лермонтов совсем не понравился, у него был злой и угрюмый вид, его небольшие черные глаза сверкали мрачным огнем, а взгляд был недобрым, как и улыбка. Он был мал ростом, коренаст и некрасив, лежал в постели после травмы, и что-то рисовал, и не соблаговолил при нашем появлении подняться. Он был желчным, нервным, имел вид злого ребенка, предмет обожания бабушки, избалованного и напол-

ненного собой, упрямого и неприятного до последней степени». Такое впечатление о Лермонтове, которое Анненкова вынесла при первом свидании с ним, не изменилось с годами. Позже, встретив его в 1839 году, она отметила: «выражение его лица не изменилось, все тот же мрачный вид и язвительная улыбка. У него было болезненное самолюбие, которое приносило ему страдания. Я думаю, он не мог успокоиться от того, что был некрасив и не элегантен. Душа поэта плохо чувствовала себя в коренастой фигуре карлика. Малая симпатия к нему не мешала мне почувствовать ценность его поэзии».

После лечения в лазарете, а затем на дому, Лермонтов снова приступил к занятиям. Один из учеников юнкерской школы, Александр Матвеевич Меринский, в воспоминаниях писал: «Лермонтов ничем особенным не выделялся от других. Имел страсть приставать со своими острыми, даже злыми насмешками к тем товарищам, с которыми был наиболее дружен».

В школе был свой особый распорядок дня. Утром учащихся поднимали барабанным боем в 6 часов утра. После зарядки был завтрак, затем занятия строевой подготовкой до 13 часов дня. Потом отдых до 15 часов, а затем вечерние занятия до 17 часов. Воспитанники жили при школе. Им разрешалось иметь свою прислугу. После восшествия на престол Николая Павловича школа перешла в ведение его брата, великого князя Михаила Павловича, и стала называться «Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров». Бабушка Лермонтова присылала со слугой домашнюю еду и просила будить его раньше, «чтобы барабанным боем не расстраивать его нервную систему». Узнав об этом, Мишель страшно рассердился и потребовал поднимать его вместе со всеми учащимися.

А.М. Меринский писал: «Лермонтов не был отъявленным шалуном, но иногда любил „пошкольничать“: когда ученики пели под аккомпанемент фортепиано, он присоединялся и начинал петь другую песню, сбивая всех с такта, при этом поднимался шум и хохот». Среди учащихся был один ученик – Иосиф Шаховской, которого все любили за беззлобный покладистый характер, но потешались над его большим носом и дали ему прозвище «Курок». Рисовали карикатуры, подставляли под нос линейки, а один шутник написал «Историю носа Шаховского».

По субботам по 2 человека от пехоты и от кавалерии отправлялись к великому князю Михаилу Павловичу во дворец и обедали с ним за одним столом. Это тоже входило в распорядок дня. В школе, кроме командира эскадрона и ротных, были офицеры кавалерийских полков. Среди них был штаб-ротмистр Уланского полка, родом француз, Иван Степанович Клерон. «Его более всех любили юнкера, он был приветлив и обходился с нами, как с товарищами, острил, говорил каламбуры и однажды подшутил над Шаховским, который влюбился в одну гувернантку. Клерон прикинулся тоже влюбленным, и весь вечер провел с нею» (Меринский). Она была недурна, но толста, и Лермонтов написал экспромт:

Ах, как мила твоя богиня,
За ней волочится француз,
У нее лицо как дыня,
Ее попа – как арбуз.

В дальнейшем это четверостишие повторялось по отношению к другим лицам, но в разных вариантах. О своем времяпрепровождении Лермонтов писал Марии Лопухиной (сестра его любимой девушки Вареньки): «У нас тут чудачества и шалости всякого рода, и поэзия, залитая шампанским». Стихи Лермонтов писал почти ежедневно, уединившись в дальние школьные комнаты, где сидел до поздней ночи. Любил рисовать, причем, рисунки были высокого качества. На праздники уезжал к бабушке в Петербург. Она жила около кадетского лагеря и была в постоянном страхе за внука. Когда он отправлялся на военные учения, она стояла у окна и издали крестила его.

В начале 1834 года в юнкерской школе стали издавать рукописный журнал один раз в неделю, по средам. Рукописи складывали в ящик, а потом зачитывали вслух. Там были и стихи Лермонтова, но большей частью «не очень скромные: „Уланша“, „Праздник в Петергофе“» (Меринский). В одном из номеров было помещено его шутовское стихотворение «Юнкерская молитва», которую учащиеся часто декламировали и выучили наизусть:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.